

- 4 ДЕК 1983

СМЕНА
г. Ленинград

СМЕНА

В ОДНОЙ из телевизионных передач «Человек и закон» ее участникам был предложен следующий вопрос: как бы вы поступили, если бы на ваших глазах совершалось хулиганство? Некоторые из опрошенных честно признались, что действовали бы в зависимости от обстоятельств, то есть вмешались бы лишь в случае благоприятного для себя исхода событий. Ответ, безусловно, трезвый и разумный, но несколько грустный.

Какова же должна быть мера человеческого в человеке, чтобы заставить его решиться на поступок при виде произвола, оскорбляющего человеческое достоинство? Выяснению этого немаловажного вопроса посвящена пьеса молодого болгарского драматурга С. Стратиева «Автобус», поставленная в Театре имени Ленинского комсомола также молодым режиссером Владимиром Ветроновым.

Драматург намеренно создает замкнутую модельную ситуацию, где отсутствует развитие характеров и каждый персонаж выступает как некий знак определенного отношения к жизни с главной доминирующей чертой: Разумный, Неразумный, Безответственный... Коротко говоря, случилось вот что: однажды вечером рейсовый автобус, следующий из района новостроек в центр города, пошел не по своему маршруту без всяких остановок, и девять пассажиров, оказавшихся в нем, были поставлены перед необходимостью сначала узнать о причине перемены маршрута, а потом попытаться выпутаться из создавшегося положения. Оказалось, что водитель автобуса ищет открытую булочную, чтобы купить домой хлеба, а за-

тем, когда поиски не увенчались успехом, он просто-напросто направил машину за сто километров от города в деревню к своей маме, чтобы взять хлеба у нее, а заодно навестить. Такое поведение водителя объясняется тем, что он пьян, а следовательно,

ТЕАТР

КУДА ИДЕТ «АВТОБУС»?

каждая минута этого путешествия могла окончиться трагически.

Надо заметить, что драматург в данной ситуации совсем не интересуется моральный облик водителя и разборчивость его поступков. Водитель вообще ни разу не появляется на сцене. Он выступает как некая роковая и непредсказуемая сила, а драматург заимствует лишь поведение пассажиров. Скажем так: драматург рисует моральный климат в обстановке столкновения с произволом, причем делает это в жанре сатирической комедии, острота которой направлена, как это ни покажется странным, не на виновника происшествия, а на потерпевших.

Такого рода драматургический материал — не частый гость на сцене, и это имеет свои объяснения. Условная природа театра, сталкиваясь с условной интеллектуальной моделью действительности, а не с самой действительностью, иногда порождает, так сказать, «условность в квадрате», то есть умственно выверенную

схему жизненного явления, лишённую глубинных человеческих чувств. Это в равной мере относится и к драматургии, и к ее сценическому воплощению.

Комедийное начало пьесы Стратиева очень точно передано театром. Остроумные реплики и смешные положения легки и азартно разыграны актерским ансамблем, в котором каждый персонаж, подобно музыкальному инструменту оркестра, имеет собственный узнаваемый голос. Ортодок-

смысл прислушиваться друг к другу и уважать один другого. Поначалу это выглядит очень смешно, но вот следует первый «серьезный» звонок: отпавшийся за выяснениями к водителю Неразумный получает удар такой силы, что лишается чувств и надолго, чуть ли не до финала спектакля, выбывает из игры. А что же остальные? Они, оказав ему первую помощь и убедившись, что он жив, забывают о Неразумном, увлеченные поисками

вывода из создавшегося положения. С этого момента и читатель пьесы Стратиева, и зритель спектакля начинают догадываться, что не все так весело, как кажется на первый взгляд. И далее драматург и постановщик спектакля все чаще напоминают нам об опасности, все настойчивее стремятся обнаружить нешуточное, почти трагическое содержание пьесы: визжат тормоза, автобус швыряет в разные стороны, пассажиры кричат и ругаются, бунтующий предложенным остальным к его возлюбленной пойти в кабину водителя и постараться очаровать его чисто ложески, произносит обличительный монолог Влюбленная, наконец, пассажиры, устав от демагогии Разумного, жестоко избивают его, а в финале авторы, крушение любви, обращаются к залу с патетическими стихами, которые звучат как молитва.

Но странно — эти попытки режиссера вызвать сопережи-

вание, испытать тревогу за судьбу героев удаются гораздо меньше, чем комедийная составляющая спектакля. Зритель по-прежнему охотно смеется удачным репликам и актерским комическим находкам, но их к копу становится все меньше, а в серьезности ситуации веры не возникает. Парадокс всегда более тяготеет к юмору, чем к лирике. Даже трагическая ситуация, ставшая парадоксальной, вызывает улыбку, хотя часто — сквозь слезы. «Видимый миру смех и невидимый миру слезы» редко кому удается сочетать. В спектакле «Автобус» есть видимый миру смех, но слезы не просто невидимы, их, в сущности, нет, хотя для их возникновения потрачено немало усилий.

Эта обстоятельство ни в какой мере не перечеркивает спектакля, который представляется интересной попыткой театра и в жандармском отношении, и в смысле обретения режиссером и актерами, хотя бы в цене некоторых потерь, незаменимого опыта и мастерства, которые одни могут привести их на этом пути от «видимого миру смеха» к «невидимому миру слезам». Проверенных рецептов тут нет, но коли мы уже задели тему великого Гоголя, то можно вспомнить и его выдающегося последователя, который говорил, что «героев надо любить». Любить — всех без исключения, даже тех, которые кажутся жалкими и ничтожными. Лишь тогда в них можно обнаружить не только внешние комические черты, но и внутренний трагизм, одиночество, беззащитность, а обнаружив это, не только посмеяться над ними и осудить, но и воззвать к помощи.

Е. МАРКОВА
театровед